

18+

Н. Ланг

ДЕТИ – ПРИЗРАКИ

Н. Ланг

Дети-призраки

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Ланг Н.

Дети-призраки / Н. Ланг — «ЛитРес: Самиздат», 2014

Какие секреты скрываются за закрытой дверью или в запертом ящике стола? Как эти тайны могут повлиять на судьбу человека? Стоит ли следовать за любопытством, и какие темные стороны человеческой натуры оно способно открыть? В роддоме Анне Потериной сообщают о смерти новорожденного сына, однако она уверена, что ребенок жив. Доктор Елизавета Лаврова помогает ей разобраться в загадочных обстоятельствах смерти младенца, не подозревая, какой опасности подвергает свою жизнь. Ее преследует таинственный незнакомец.

© Ланг Н., 2014

© ЛитРес: Самиздат, 2014

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	25
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Подобная история могла произойти в действительности, но полностью выдумана. Все события и персонажи существуют только в воображении автора. Любое совпадение случайно.

Пролог

Суточное дежурство закончилось. Воскресным утром город спал, даже солнце еще не проснулось. Лиза брела по пустынным улицам. Ее не покидало чувство, что за ней кто-то внимательно наблюдает. Она опасливо огляделась. Ни души, только голуби зябко расхаживали по тротуарам в поисках крошек.

Лиза сгорбилась, втянула голову в плечи, будто бы хотела сделаться меньше. Шерстяной шарф, обернутый вокруг шеи, щекотал раскрасневшуюся от первого мороза кожу. Елизавета ускорила шаг, отгоняя дурные предчувствия. Она мечтала сбежать от своих кошмаров, но от себя не спрячешься. Казалось, что паранойя окончательно завладела ее разумом. Она смотрела себе под ноги, лишь изредка поднимала взгляд, чтобы испуганно осмотреться.

По дороге проезжали машины, но никто не обратил внимания на хрупкую женщину, идущую по обочине. Однако Лиза чувствовала – кто-то не отстаёт от нее ни на шаг. Инстинкт самосохранения злое ще шептал ей: "Беги!", а разум, настаивал, что волноваться не о чем, ведь в поле зрения нет никакой угрозы.

Лиза, словно птица, влетела во внутренний дворик дома. Темнота сгустилась вокруг нее. Двор был тих и пуст. И вновь она почувствовала, как чей-то взгляд, будто огненное клеймо, прожигал кожу на спине, пронзал сердце. Под витой аркой, украшавшей вход, она заметила загадочный силуэт. Угроза обозначилась.

Это был уже не плод ее фантазии, не выдумка, как она пыталась убедить себя, но реальная опасность. Прошла секунда, силуэт, застыв на месте, ждал ее действий. Лиза могла дать клятву, что видела, как в сумраке, горели глаза незнакомца. И в это мгновение казалось, что двор-колодец становился меньше. Стены добротного здания сдвигались, норовя раздавить ее. Серые кирпичи падали на землю, будто тяжелые капли дождя. Наверное, так люди сходят с ума. В колодце остался совсем маленький проем, исчез и без того тусклый свет, зарождающегося дня. Елизавета закричала, обхватив голову руками.

"Никто не спасет меня" – эта мысль полная безнадежности, вернула ей чувство реальности.

Лиза, ахнув, бросилась в подъезд. Со сверхзвуковой скоростью она преодолела несколько лестничных пролетов и оказалась у двери квартиры. Дрожащими не то от страха, не то от холода руками, достала из кармана ключ. Пальцы не слушались. Она замерла на секунду, глубоко вздохнув, открыла замок, торопливо вбежала внутрь и заперла дверь. Силы покинули ее. Ноги подкосились, и она медленно сползла к порогу, словно бы лишилась внутреннего стрежня. Страх и отчаяние одолели ее. Они менялись поочередно. Сначала страх, сжав горло, лишил способности мыслить ясно и говорить. Потом его вытеснило отчаяние, сжимавшее тисками сердце. И все соединилось в безысходность, не дававшую ни единого шанса.

Лиза потеряла счет времени. Страх потихоньку залегал на дно подсознания, забирая отчаяние с собой. Память безжалостно уносила ее в прошлое.

Глава 1

Елизавета Лаврова смотрела в окно, на проплывавшие мимо, яркие летние пейзажи. Солнце то показывалось из-за раскидистых деревьев, то снова пряталось за ними, как за ширмой. Рельсы сходились в темную точку у горизонта. Мерный стук колес настраивал на философский лад. Лиза не хотела ни о чем думать. Для нее весь мир сузился до размеров уютного купе. Единственное, что оставалось делать – любоваться красотами неизведанных мест. Просторы России тянулись докуда хватало глаз. Степи сменялись рощами, рощи – тайгой. Тучи сгущались над темной полосой леса. Солнце клонилось к закату, и его мягкий свет умирал в плотной пелене облаков, окрашивая небо пурпуром. Лиза устало закрыла глаза.

"К дороге нужно относиться с терпением" – так любила говаривать ее покойная бабка.

Лиза следовала этому совету, сколько могла. Но слова, произносимые соседкой по купе, не давали расслабиться, они, словно надоедливые мухи, кружили рядом и мешали ей забыться. Она глядела в окно изредка, из вежливости, улыбалась попутчице. Лиза ждала, когда же закончится долгое путешествие. Она чувствовала себя подвешенной в воздухе. Неизвестность томила ее. Лиза не могла найти себе места, выходила из купе, гуляла до тамбура, и подолгу стояла там в одиночестве.

Часть ночи Елизавета провела без сна. Она представила искрящийся росой альпийский луг с маленькими, словно игрушечными коровами, щедро залитый солнечным светом. Природа, будто талантливый художник сочно смешала зеленый с золотым. И эта палитра превращалась в реку спокойствия. Лиза на мгновение закрыла веки, и дремала, как будто, недолго. Но солнечный луч, словно скальпель, полоснул по глазам. Наступило утро. Она выглянула в окно, чтобы определить, где находится. Местность ей не знакома. Солнце вновь играло в прятки, а деревья стали выше и росли гуще.

Лиза лежала, зажмурившись. Ей казалось, что если она откроет глаза, то очутится в совсем неведомом месте. Соседка, убаюканная стуком колес, спала, отвернувшись к стенке. Когда же длинная вереница вагонов остановится у платформы, и, испустив громкий свист, оставит Лизу на перроне?

Ожидание оказалось недолгим – вскоре объявили станцию, на которой она должна была сойти. Аккуратно собрав чемоданы, и стараясь не шуметь, чтобы не разбудить попутчицу, Лиза смело шагнула за порог купе. В неизвестность. Проводник спустил багаж.

Елизавету никто не встречал. Ранним утром привокзальная площадь была оживлена, по перрону прогуливались встречающие, сновали торговцы с лотками. Солнце, окутанное мантией из хмурых облаков, еще не разогрелось, но уже ощущалась духота. За один миг небо сделалось темно-синим, что предвещало близкую грозу.

Город, который она приехала покорять, насчитывал полмиллиона жителей, и здесь имелось несколько больниц. А значит, работой она обеспечена. Ведь люди всегда будут рождаться.

Двадцатисемилетняя Елизавета Лаврова любила свою профессию – акушера – гинеколога. Помогать новорожденным, появиться на свет и ухаживать за ними, было для нее смыслом существования последние годы. Мама всегда говорила ей, что белый халат выгодно оттеняет ее зеленые глаза, опущенные черными ресницами, подчеркивает стройную фигуру, смуглую кожу и каштановые волосы.

Раздались первые раскаты грома, на брусчатку упали тяжелые капли дождя. Надев плащ, Лиза поспешила к стоянке такси, волоча за собой два больших чемодана. В них уместилась вся ее прошлая жизнь. Дождь разыгрался не на шутку. Одиночные несмелые капли быстро превратились в ливень. Накинув на голову капюшон, шофер торопливо положил чемоданы в багажник. Отряхнувшись, Лиза села в автомобиль и окунулась в тепло его салона. Такси тронулось, увозя ее, прочь.

Лиза с интересом рассматривала улицы. Из-за разводов, которые дождь оставлял на стекле, люди под зонтами казались затейливыми непонятными фигурами, выплывшими из снов. Город она нашла компактным и разноцветным. Навстречу им редко проезжали машины.

– Впервые здесь? – с любопытством спросил водитель, ловя взгляд пассажирки в зеркале заднего вида.

– Да. Это так заметно?

– Взгляд, каким вы смотрите на наши здания, бывает только у вновь прибывших, – пояснил он.

– Вам виднее, – тихо отозвалась пассажирка.

– Вы на отдыхе или по делам? – не унимался таксист.

– По делам, – коротко ответила Лиза, не пожелав вдаваться в подробности.

Таксист хотел сказать что-то еще, но она отвернулась и глядела в окно, давая понять, что не хочет продолжать разговор. Водитель покрепче сжал руль и больше ни о чем не спрашивал.

Район, где Лиза арендовала квартиру, располагался неподалеку от центра. Но, несмотря на близость к магистрали, считался комфортабельным. Здесь размещалось много офисов и магазинов, поэтому прилегающие улицы были оживленными. Когда такси добралось до места назначения, ливень прекратился, небо затянула плотная серая вата туч.

Шофер извлек из багажника чемоданы и поставил на мокрый асфальт. Расплатившись с ним, Лиза на минуту остановилась, чтобы осмотреться. Дом, в котором ей предстояло жить, построили недавно. Кирпич сохранил яркость цвета. Здание имело причудливый вид, роднивший его со старинными доходными домами: дворик был похож на колодец, но казался уютным, вход на площадку венчала арка с колоннами в древнегреческом стиле. Клумбы с бархатцами и пионами делали двор красивым. Строители не предусмотрели лифт, а лестницы оказались крутыми, Лиза едва донесла чемоданы наверх. Ключи, упакованные в конверт, как и условились с домовладельцем, она нашла в почтовом ящике, который был закрыт на кодовый замок.

Ее поразила пустота, царившая в квартире. Предыдущие хозяева придерживались минимализма в обстановке: узкая кровать в спальне, старый шкаф-купе для одежды; диван, обитый коричневым велюром, который уже порядком вытерся; колченогий столик, покрытый толстым слоем пыли. Определенно, мебель преклонного возраста. Тяжелые темные шторы довершали общий унылый вид. В слабом утреннем свете, танцевали пылинки.

Лиза любила чистоту и порядок во всем, поэтому оставив вещи в прихожей, нашла принадлежности для уборки. Комнаты были небольшими, и она скоро справилась.

"В век научного прогресса, высоких технологий и бешеного ритма жизни, все стремительно меняется. И лишь самое главное остается неизменным – люди продолжают рожать и воспитывать детей. Наше отделение оснащено современным оборудованием. Высококвалифицированный персонал круглосуточно заботится о здоровье матери и ребенка" – гласила короткая, но проникнутая пафосом история учреждения, размещенная на сайте.

Городок Е. гордился своим роддомом, он считался крупнейшим во всем регионе. Женщины из разных уголков области приезжали сюда, чтобы произвести на свет детей.

Лиза отправила свое резюме на электронную почту заведующего родильным отделением. Спустя два дня ей позвонили и пригласили на беседу. Она волновалась, потому что единственное в ее жизни собеседование, произошло вслед за выпускными экзаменами в медицинском институте. Елизавета прекрасно помнила тот день – она молодой врач, решила связать свою судьбу с акушерством. Но с тех пор много воды утекло.

Елизавету встретил заведующий отделением – тридцатисемилетний Андрей Николаевич Поклонский. Его внешность вряд ли можно назвать выразительной – среднего роста, корена-

стый. Холодные серые глаза, светлые волосы, разделенные на пробор, и губы, сжатые в тонкую линию, говорили о педантичном характере.

Андрей Николаевич пригласил Лизу в свой кабинет, где по обыкновению проводил часть рабочего дня за отчетами и приказами. Бремя руководящей должности сделало его сосредоточенным.

Кабинет был просторным и хорошо освещенным. Из больших окон открывался вид на близлежащий парк. В ясную погоду можно было услышать шум листвы и залиvistые трели птиц, радовавшихся лету. Мебель вполне соответствовала тому месту, где находилась – светлая и простая, чувствовалось, что Андрей Николаевич, ярый приверженец чистоты. Следовало постараться, чтобы найти хоть где-нибудь пылинку, даже воздух был свежим. На столе, содержавшемся в безукоризненном порядке, Лаврова успела заметить несколько медицинских карт, указы, а сверху аккуратно сложенной стопки бумаг лежало ее резюме.

– Располагайтесь, – предложил он.

Елизавета устроилась на одном из стульев. Она нервничала, неприятная дрожь пробежала по телу, чтобы унять ее, Лиза сложила руки на коленях, наблюдая, как Андрей спокойно и уверенно садится в кресло. От внимательного взгляда Елизаветы не ускользнули часы на его руке. Они показались невероятно дорогими, даже для руководителя. Такую изящную, и в то же время функциональную вещь, могли изготовить только мастера часовых дел из Швейцарии.

– Извините, я немного волнуюсь. Надеюсь, это не мешает нашему интервью? – проговорила Лиза.

– Не страшно, – ответил Андрей Поклонский. – Я изучил ваше резюме. Могу заверить: вам бояться нечего.

– Это обнадеживает, – едва слышно произнесла она.

– Позвольте задать вопрос – вы проходили ординатуру в престижной столичной клинике, у вас хорошее образование, почему же вы захотели перебраться в наш провинциальный городок?

Лиза не стала сразу отвечать на его вопрос. Она долго обдумывала, что сказать. Истинную причину Лаврова поведать не могла, а легенды так и не придумала. Андрей Николаевич испытующе смотрел на нее, будто ждал какого-то подвоха. Лиза напряглась так, что размеренное тиканье часов казалось ей барабанной дробью. И с каждой секундой, оно становилось все громче, пока не заполнило сознание целиком.

– Итак, Елизавета, – громко сказал Андрей и, заглянув в ее резюме, добавил: – Михайловна.

Вздвигнув от неожиданности, она растерялась.

– Лучше Лиза. Не люблю имя Елизавета, – она поняла, что ей не избежать этого разговора и постаралась быть убедительной. – Это сложно объяснить... Я переехала по семейным обстоятельствам. Год выдался не из легких. Был тяжелый развод. Захотелось перемен.

Андрей вздохнул, как показалось, с облегчением. Его устроило такое объяснение.

– Давайте я вам все покажу, – предложил он.

Родильный дом насчитывал два этажа, около сотни кабинетов и около сотни человек медицинского персонала. Отправной точкой знакомства с отделением стал приемный покой, который состоял из нескольких, отгороженных друг от друга, палат. В одной принимали поступавших в инфекционное отделение, в другой – тех, кто прибыл в родовую палату и отделение патологии беременности.

В наблюдательной палате находилась лишь одна женщина в интересном положении. Наблюдательное отделение предназначено для беременных без обменной карты или с инфекционными заболеваниями, по сути, маленький роддом, где оказывалась квалифицированная медицинская помощь на всех этапах беременности.

А в родовом блоке не протолкнуться. Будущие матери проходили осмотр быстро, как на конвейере. Не успевала одна беременная выйти за порог, после тщательной дезинфекции смотровой, ее место занимала следующая. Родильное отделение состояло из индивидуальных боксов, в каждом из которых с удобством могла расположиться одна пациентка. Здесь имелось все необходимое, чтобы обеспечить комфортное пребывание матери и ребенка: кровать, кресло для родовспоможения, стол для пеленания с обогревающей лампой. Родовые боксы заполнены роженицами и уже разрешившимися от бремени женщинами.

Андрей познакомил Лизу с коллегами:

– Елизавета Михайловна Лаврова, со следующей недели будет работать с нами, акушером – гинекологом.

Она чувствовала себя школьницей, представшей перед новым классом. Ее всюду принимали добродушно.

Затем Андрей Поклонский показал операционный блок, палату интенсивной терапии, детскую палату, пост медицинской сестры, реанимацию, а закончилось краткое знакомство с родильным домом в столовой.

– Тут готовят очень вкусное рагу и пирожки с капустой, обязательно попробуйте, – сказал Андрей.

Это означало, что собеседование имело благополучный исход – Лиза принята на работу.

– Я это учту, – улыбнувшись, ответила она.

Глава 2

– У нас очень низкий процент смертности, – уверяла Маргарита Белозерская, провожая Елизавету Михайловну в приемный покой.

Несмотря на молодой возраст, Марго считалась опытной акушеркой. Благодаря приятной внешности и врождённому обаянию она умела расположить к себе людей. Пациентки всегда прислушивались к ее советам.

Лиза волновалась, наверное, как и любой человек, начиная работать на новом месте. Она уже переделалась в медицинскую форму, и почувствовала, что уверенность постепенно возвращается к ней. Ей предстояло провести свой первый рабочий день в приёмном покое. Встречать беременных, распределять их по отделениям и готовить тактику родов.

«Ты справишься, ты справишься» – повторяла она, словно заклинание.

С утра в приемном блоке присутствовали только Лиза и Маргарита. Дети не спешили появляться на свет. Нет ничего хуже ожидания. Оно заставляет расслабиться, погружает сознание в мягкий сон. Оставалось коротать время за разговорами. Елизавета узнала от Маргариты много информации о коллегах. Они говорили о привычках. У каждого врача формировались свои предпочтения и ритуалы. Например, Андрей Поклонский во время проведения операций всегда слушал Баха или Моцарта.

Когда в беседе возникла пауза, в смотровой кабинет вошла беременная женщина. Большой живот казался приклеенным к ее стройной фигуре. Она была похожа на маленького лесного эльфа с кудрявыми льняными волосами и голубыми глазами. Пациентка держалась за низ живота и, словно рыба, выброшенная на берег, втягивала воздух ртом. У нее начались схватки. Маргарита помогла роженице переодеться в халат. Елизавета, тем временем, начала заполнять историю родов.

– Как давно начались схватки? – спросила доктор Лаврова, приступив к осмотру.

– Двадцать минут назад, я сразу вызвала скорую, – запыхавшись, проговорила женщина.

– Вы правильно поступили.

Она пальпировала живот пациентки. Ребёнок отчаянно хотел появиться на свет, бил ножками, причиняя маме неудобство. Лиза прослушала сердцебиение малыша. Сердечко отбивало дробь перед рождением. Мир уже ждал его.

– Не беспокойтесь, все будет хорошо! – обещала Лиза, заканчивая обследование.

Роды у женщины – вторые, а значит, будут протекать быстрее. Лиза распорядилась готовить беременную к перемещению в физиологическое отделение. Маргарита замерила рост и вес женщины, взяла анализы, чтобы определить группу крови и резус-фактор. Младшая медицинская сестра подготовила родильную палату для поступившей пациентки. Схватки усилились, и интервалы между ними сократились. Воды отошли несколько минут назад.

«Спаси ребенка!» – шептало эхо прошлого.

Обработав руки дезинфектором, Лиза надела перчатки.

«Не давай страхам испортить себе жизнь. В том, что произошло, нет твоей вины» – внушала она себе.

Глубокий вдох и тени минувшего отступили. В палате находились анестезиолог-реаниматолог, неонатолог, акушерка и медсестры. Маргарита Белозерская оказывала роженице посильную помощь, говорила и изображала, как нужно дышать. На животе женщины закрепили кардиомонитор, с помощью которого следили за сердцебиением малыша. Пульс был в норме – сто тридцать ударов в минуту. Жизненные показатели – удовлетворительные.

– Тужьтесь, – командовала Маргарита, наклонившись над роженицей.

Уже выглядывала темная, покрытая пушком голова. Вот оно – скоро случится чудо!

– Я вижу головку ребенка, потерпите еще чуть-чуть! – попросила Марго, и пациентка стала чаще дышать.

Она напрягала все свои силы. Черты лица исказила боль. Голова плода то выглядывала на свет, то пыталась втянуться обратно. Малыш напоминал черепаху. Роды осложнились, плечики ребенка застряли на выходе.

Главное в работе акушера – гинеколога – умение быстро ориентироваться в ситуации. Если что-то идет не так, требуются молниеносные решения, от которых зависит жизнь не только ребенка, но и матери. Нельзя поддаваться страху, сделать что-то не так. Врач, будто полководец на поле битвы, должен разработать верную стратегию. Без его указаний никто не имеет права действовать. Такая ответственность тяжким бременем легла на плечи Елизаветы Михайловны. Сейчас от нее зависел исход ситуации.

– Кислород падает, – сообщила медсестра.

Ребенок может задохнуться.

– У нас плечевая дистония, – констатировала Лиза.

– Что нам делать? – спросила Марго и испытующе посмотрела на нее.

– Буду пробовать извлечь его естественным путем. Отдыхайте, пожалуйста, – велела Лиза роженице. – Ну же малыш, помоги нам.

Дитя оказалось крупным. Рукой Лиза повернула малыша, чтобы уменьшить давление на него. Осторожно захватила головку младенца в щечно-височной области и быстро миллиметр за миллиметром извлекала плод. Ее попытки увенчались успехом. Однако опасность для жизни мальчика еще сохранялась. Пуповина обвилась вокруг шеи, и Лиза аккуратно сняла ее.

– Молодец, легкая рука! – похвалила Марго, наблюдая за ее действиями.

Медицинские лампы на миг ослепили ребенка. Его мирок залил яркий больничный свет. Врачи склонились над ним. Лиза рассмеялась, будто сама прошла все муки. Она радовалась так, словно бы это была ее первая удача. Мальчика положили на живот маме, позволив им восстановить утраченное единство. Отныне это были два разных организма, но их еще соединяла пуповина. Мама устало, но счастливо улыбалась. И кроха доволен – он прошел трудный путь, храбро сражался. Мгновение назад он пребывал в уютном материнском чреве, не помышляя о другом. И вот пришел его черед родиться. Он боролся, терпел невыносимые страдания и давление в надежде, что его встретит дружелюбный, чудесный мир. После битвы с тьмой малыш увидел свет, его схватили чьи-то руки и подняли вверх ножками. Первый вздох, обжог его легкие воздухом и запахом больницы.

Из маленькой груди вырвался крик. Кто-то перерезал еще пульсирующую пуповину, что объединяла его с матерью долгие девять месяцев. Новорожденного обтерли от первородной смазки, кожей он почувствовал холод и одиночество окружающего мира. Стерильной лентой замерили рост, а потом положили на металлические весы, туго упеленали, будто подарок небрежно завернули в упаковку, повязали бирку с данными и унесли прочь от мамы.

– Не расслабляться! Тахикардия у матери! – вмешался анестезиолог, до сих пор остававшийся безучастным. – Давление падает. Цианоз. Черт, неужели у нее эмболия.

Во время травматичных родов произошел разрыв плаценты – одно из опасных осложнений. В кровь матери попала амниотическая жидкость и вызвала отек легких. Пациентка побледнела, по ее телу прошла судорога, она обмякла, потеряв сознание. Елизавета Михайловна испугалась за ее жизнь, все пришли в смятение. Медсестра готовила кислородную маску.

– Остановка сердца, – мрачно объявила она, взглянув на монитор контроля пульса.

– Нужна сердечно – легочная реанимация, – сказала Лиза и принялась делать непрямой массаж сердца.

Анестезиолог провел пациентке интубацию трахеи, затем ее подключили к аппарату искусственной вентиляции легких, но борьба за жизнь матери пока что не увенчалась успехом. Ее сердце не билось уже несколько секунд.

– Дефибриллятор! – коротко бросил анестезиолог.

Медсестра подкатила аппарат, и передала электроды анестезиологу.

– Разряд, – громко скомандовал он, и Лиза убрала руки.

Он прикоснулся электродами к груди пациентки и дал разряд. Женщина изогнулась дугой, по ее телу сквозь миллиарды нейронов прошелся ток. Через секунду анестезиолог повторил, а когда он убирал электроды, Лиза продолжала делать массаж сердца и умоляла всех богов медицины, чтобы пациентка осталась жива. Бригада работала как слаженный механизм. На мониторе появился пульс, и состояние стабилизировалось.

– Есть пульс, восстановлен синусовый ритм, давление сто на семьдесят, – отрапортовала медсестра.

Лиза с облегчением выдохнула – им удалось спасти мать. Анестезиолог передал Марго электроды. Едва она коснулась их, ее ударило током и затрясло, так, будто начался приступ эпилепсии.

– Вот черт! – выругался доктор и выключил аппарат.

Маргарита повалилась на пол с широко распахнутыми глазами. Врачи бросились к ней, а она лишь удивленно озиралась и часто дышала.

– Как вы? – спросила Лиза.

– О Господи! Я никогда не испытывала таких ощущений! – задышавшись, прошептала Марго. – Как будто мое сердце – заводная игрушка.

Лиза коснулась двумя пальцами запястья Маргариты.

– Все в порядке, сердцебиение приходит в норму, – резюмировала она.

Лиза помогла коллеге подняться и еще пять минут побыла с ней, чтобы проконтролировать ее состояние.

– С боевым крещением, – похлопал по плечу Лаврову анестезиолог.

Лиза занялась роженицей.

– Ей нужно сделать общий анализ крови, проверить гематокрит и электрокардиограмму, – распорядилась она.

Пациентку отправили в отделение интенсивной терапии. Ребенка забрали в детскую палату, пока его мать приходила в себя. Мальчик здоров. Неонатолог осмотрела его и поставила твердую восьмерку по шкале Апгар. Лиза, наконец-то оставила поле битвы – родовой бокс, и словно забрало, сняла маску с лица. Теперь ей предстояло все тщательно записать в истории родов.

Глава 3

– Это картотека. У меня тут особый порядок. Ни разу, ни одна карта не потерялась здесь, – хвастливо заявила администратор Евгения Мальцева, уже перешагнувшая рубеж сорокалетия, но усиленно пытавшаяся выглядеть моложе.

Ее лицо из-за устрашающего макияжа казалось маской. На мир Евгения смотрела сквозь толстые линзы очков. Потомок медицинской династии, она не видела для себя иного жизненного пути, поэтому старательно исполняла свой долг.

Лиза скептически улыбнулась. Она была не склонна верить ей, потому что знала – в любой регистратуре рано или поздно теряются карты.

Евгения отворила дверь и включила свет. Хранилище карт было похоже на библиотеку в каком-нибудь маленьком поселении. Стеллажи по высоте доходили до потолка. Истории родов, тонкие и не очень, являлись хранителями сотен, если не тысяч, человеческих судеб. Все карты расставлены по алфавиту. И не дай Бог, положить карточку не на свое место. Того, кто бы осмелился это сделать, ждала неминуемая жестокая кара. Евгения Мальцева ничего не упускала из виду.

– Вы все увидели. Запомнили, надеюсь, потому что у меня нет ни сил, ни желания, возиться с вами, – глядя на доктора сверху вниз, заявила Евгения.

Лиза изумленно посмотрела на свою коллегу, не зная, что ответить на подобное высказывание. Она всегда терялась, столкнувшись с открытой неприязнью.

– Ну, вот и прекрасно, – коротко заключила Мальцева и поспешила на обед.

Ординаторская – святая святых родильного отделения, благословенное место, где врачи могли на мгновение спрятаться от вездесущих пациенток. Весь персонал дневной смены собрался здесь, чтобы обсудить график. Было шумно, как в большом улье. Когда пришел Андрей Николаевич, все умолкло. Он распределил смены, ответил на несколько вопросов. Планерка быстро закончилась и все, как по команде вольно, разошлись по своим делам. Ординаторская опустела, остались Андрей Николаевич, Лиза и Маргарита.

– Как прошел рабочий день? – улыбнувшись, полюбопытствовал Андрей Поклонский.

– Я приняла первые роды.

– Да, я слышал. Кажется, не все прошло гладко?

– Были сложности, но мы справились! Состояние матери стабильное, ребенок здоров, – отчиталась доктор Лаврова.

– Сегодня меня ударило током от дефибриллятора. Чуть кондратий не хватил! – держась за сердце, рассказала Марго.

– Я еще никого не хватал! – войдя в кабинет, сказал молодой человек в черной кожаной куртке и рваных джинсах.

Благодаря высокому росту и внешности его было сложно не заметить. С длинными волосами пшеничного цвета и голубыми глазами, он напоминал норманнского викинга, завоевавшего когда-то берега Англии, или варяга, пришедшего править Русью. В нем чувствовалось благородство, широта ума и невероятная внутренняя свобода. Наверное, где-нибудь на стоянке рядом с поликлиникой припаркован его мотоцикл.

– Нашу работу придумал дьявол. Мы каждый день вынуждены ходить в эти маленькие отделения преисподней, – изрек он.

– Осторожней с выражениями! – строго предупредил Андрей Николаевич и тут же рассмеялся, протягивая ладонь для приветствия. – Здравствуй!

– Слушаюсь, о Великий Мефистофель! – отвесив поклон, Кондратий обменялся рукопожатиями с начальником.

Впечатление, которое он произвел, смазлось и померкло. Все-таки внешность обманчива. Однако Андрею Николаевичу шутка пришлась по душе, Марго лишь натянуто усмехнулась. Кондратий снял куртку и зашел в гардеробную, чтобы переодеться. Через минуту появился в униформе и небрежно накинул медицинский халат, который значительно преобразил его. Здесь следует сказать, что сначала Кондратий специализировался на акушерстве и гинекологии, однако чуть позже стал хирургом и выполнял сложные операции в родильном отделении.

– Мой индивидуальный пропуск в ад, – он прикрепил на левый верхний карман бейдж с именем и фотографией. – Ух, ты, новенькая!

Он, наконец, отвлекся от своей персоны и заметил Лизу. Она почувствовала себя ученицей младших классов и, сконфузившись, улыбнулась. Кондратий подошел к коллегам и протянул Лавровой руку.

– Кондратий, – надменно представился он.

– Простите? – смутилась она.

– Мое имя Кондратий Королев, – произнес он спокойно.

Наверное, такая ситуация возникала не в первый раз.

– Простите, – рассмеявшись, повторила она. – Такое имя редко встретишь в наше время.

– Да, мои родители были те еще шутники. А вы?

– Что я? Есть ли у меня чувство юмора?

– Я вижу, что нет. Как вас зовут? – продолжал Кондратий.

– У меня есть чувство юмора! – гневно сверкнув глазами, ответила новенькая.

– Нервная чертовка, люблю таких, – сказал он, ухмыльнувшись.

Маргарита Белозерская напряглась, словно была свидетелем охоты льва на беззащитную лань. Елизавета сощурилась, и, так и не назвав имени, ушла.

– Безымянная, нервная и симпатичная, – заключил он, глядя ей вслед.

Злясь на саму себя, Лиза вышла в коридор. Она реагировала как девочка – подросток на его глупые шутки и оттого чувствовала себя неуклюжей. Очутившись на лестнице, она схватилась за перила, вкладывая все свое напряжение. Костяшки на ее руках побелели. Первый рабочий день оказался не таким уж легким.

Забота о новорожденных заключалась в безупречной гигиене персонала и строгом соблюдении санитарных норм. Предметы ухода за младенцами должны быть стерильными. В поликлинике всех этих правил неукоснительно придерживались. Палата была белоснежной, как облака или первый снег. Свет потоками струился из широких окон, отчего детский бокс делался похожим на временное пристанище ангелов.

Лиза наблюдала за малышами в детском покое. Младенцы, которые родились в этот день, здоровые и активные. Все мужского пола. Малютки спали после вечернего кормления. Лиза заполнила историю родов мальчика, которого приняла утром. Он был крепким пятидесятисантиметровым херувимом с нежной розовой кожей.

Андрей Поклонский вошел в палату тихо, будто крадучись. Елизавета немного занервничала, столкнувшись с начальством.

– Что делаете? – заинтересовался он.

– Заполняю форму, – не отрывая взгляда от карты, отвечала она.

Андрей взял карточку, закрепленную за мальчиком, лежавшим в кувезе у окна. Лицо заведующего было сосредоточенным и, как показалось, радостным. Наверное, он заботливый и любящий отец, хотя вряд ли женат – на безымянном пальце нет кольца.

– Интересно, какое будущее ждет этих детишек, – вдруг произнесла она.

– Ну, они вырастут, – начал Андрей.

– Кем они станут? – спросила Лиза мечтательно.

– Первый малыш, принятый вами сегодня, определенно станет певцом. Он очень громкий. А этот, – он указал на младенца в кроватке посередине, – будет боксером, посмотрите, как крепко он сжимает кулачки.

Лиза рассмеялась, представив новорожденного в боксерских перчатках. Врачи находились в одной комнате с будущим, никто не бывает к нему так близко.

– А вообще многое зависит от родителей. Только благополучная семья может дать ребенку хорошее воспитание и образование, – сказал заведующий отделением.

– Возможно, вы правы, но многое будет зависеть от человека, от его целеустремленности. Ведь и в неблагополучных семьях рождаются талантливые дети, которые, вырастая, добиваются успехов в жизни. И сложные семейные обстоятельства только закаляют их, делают сильнее, – горячо произнесла Елизавета.

– Не согласен с вами, – Андрей покачал головой. – Вот взять, например, этого ребенка, – Поклонский указал на мальчика, который лежал в кувезе у окна, именно его карту он держал. – Сегодня от него отказалась мать.

– Какая трагедия, – расстроилась Лиза.

– Вовсе нет. Это не трагедия, но, может быть, удачный старт. Мальчик попадет в обеспеченную семью, и его ждет жизнь с большими возможностями.

Лиза пожала плечами, никто не знает, как сложится судьба отдельно взятого человека. Если бы, она могла предположить...

...крики врачей в родильном боксе эхом разносились по отделению. Лиза ничем не могла помочь. Бездействие доводило до отчаяния.

– Уведите ее отсюда, – крикнул доктор.

Елизавету вывели из родильной палаты. Сквозь пелену слез, застилавшую глаза, она видела свои окровавленные, дрожащие руки. Красные пятна на голубой униформе образовали причудливый рисунок.

Она прогнала гнетущие воспоминания и отвернулась от стены. Бессонная выдалась ночь. В окна, словно в витрины магазина, заглядывала любопытная луна. Лизе чудилось, что луна смотрела на нее с укором, не вытерпев, она закрыла шторы. Мысли вертелись по кругу, как бешеная юла. Лаврова переживала события дня, прокручивая пленку воспоминаний то вперед, то назад.

Тусклый уличный свет проникал в комнату через лазейку в неплотно сдвинутых шторах. Лиза на мгновение задремала, а когда разомкнула веки, на полу уже плясали утренние зайчики. День обещал быть безоблачным и теплым. Такие дни хочется проводить празднично, но нужно спешить на работу.

Лиза открыла шкафчик и неторопливо облачилась в медицинскую форму. В гардеробную зашла Людмила Одинцова, однако коллеги предпочитали называть ее по фамилии. Она занимала должность акушерки. Это была полнотелая, пышущая здоровьем, молодая женщина с круглым румяным лицом, маленькими хитрыми глазками. Она села на кушетку и стала разглядывать новую сотрудницу.

– Почему, ты переехала сюда? – спросила Одинцова.

Они сразу же перешли на "ты", чему порадовалась Лиза – это помогало наладить отношения. Одинцова принадлежала к той породе людей, которым всегда интересны чужие тайны.

– Ходят слухи, что здесь самое вкусное во всем мире рагу и великолепные пирожки с капустой, в общем, рай земной, – уклончиво ответила Лиза.

– Только поэтому? – лицо Одинцовой выражало крайнюю степень разочарования. – На любительницу пирожков ты не похожа.

Елизавета рассмеялась и поспешила успокоить коллегу:

– О, ты, наверное, ожидала услышать душераздирающий роман или леденящий кровь триллер. Но нет, просто наступило время перемен.

Одинцова кивнула. Она и сама хотела, чтобы ее жизнь изменила свое русло. Уложив волосы в пучок, Лиза оставила сгоравшую от любопытства Одинцову наедине с предположениями.

– Мне подарили тебя ангелы, мой милый. Спустили на колыбельке с небес, – женщина поцеловала крохотную ручку.

Мальчик безмятежно спал, прижавшись к матери.

Елизавета Михайловна следила за состоянием пациентки с эмболией. Рентгенограмма легких показала положительную динамику, электрокардиограмма тоже пришла в норму, хотя было небольшое напряжение правого предсердия. Женщина быстро шла на поправку и ее перевели в обычную послеродовую палату, где она находилась вместе с сыном.

– Спасибо вам, Елизавета Михайловна, – прошептала она, прижимая дитя к груди.

Стараясь не нарушить волшебных чар детского сна, мама поцеловала его в лоб. Лиза решила не мешать единению матери и ребенка, к тому же другие дела ожидали ее внимания.

Шум листвы сливался с пением птиц в мягкую летнюю симфонию, которая доносилась из открытого окна. Но эта природная музыка не могла разрядить того напряжения, что царило в кабинете. Казалось, любая искра могла привести к взрыву.

Все жалобы юной пациентки указывали на то, что она ждала ребенка. Доктор Лаврова внимательно осмотрела ее и установила беременность. Анализы были хорошими. Мария Князева – будущая мама очень молода, всего восемнадцати лет от роду. Она с нежеланием и даже враждебностью отвечала на вопросы врача. Лиза поняла, что кроха, которого Маша носила под сердцем, был нежеланным. Очевидно, Князева сомневалась, оставлять ли его. Лиза не могла и не имела права заставить ее изменить решение. Но она не теряла надежды.

– Я хочу избавиться от ребенка, – смущаясь, произнесла Маша.

Она выглядела неуверенной и очень переживала. Уговоры могли лишь усугубить и без того сложную ситуацию. Едва ли лекции об опасности искусственного прерывания беременности подействуют. Тут нужен деликатный подход.

– Решение всегда будет за вами. Но вы не узнаете самого главного. Вы не увидите, как будет расти ваше маленькое чудо. Благодаря аппарату УЗИ мы можем заглянуть в хрупкую вселенную, еще не рожденного малыша. Сейчас зародыш в вашем организме, наверное, с маленькую точку. И он уже чувствует – все его нервные окончания сосредоточены вокруг рта. Но пройдет всего лишь несколько недель, и вся кожа крошки сделается чувствительной. Он сможет ощущать ваши прикосновения. Появится вкус и светочувствительность.

Его восприятие мира будет происходить через ваши эмоции. Радость и горечь вы разделите пополам. Именно на этом этапе развития делается большинство аборт.

А на двенадцатой неделе с помощью ультразвукового исследования вы увидите, как малыш изучает свои руки, тело и личико. Он трогает пуповину и сосет пальчик. Чуть позже у плода становится острым слух. Он слышит все – ваш немного измененный голос, биение вашего сердца, бег крови по венам и даже приглушенную музыку. Мозг крошки уже способен запомнить некоторые звуки. Важно разговаривать с ним, чтобы он слышал вас, – Лиза взяла короткую паузу и взглянула на Машу, кажется, слова достигли цели. Заметив на щеках будущей матери слезы, она продолжила: – Где-то к двадцатой неделе крошка уже открывает глаза. И когда на живот сквозь тонкую кожу падает свет, он видит мир, похожим на зарницу. Доказано – малюткам снятся сновидения, сплетенные из услышанных голосов и звуков, пережитых вместе с вами чувств.

Маша, оглушенная и пристыженная, замерла. Она ничего не могла вымолвить, только дергала пуговицу на рубашке.

– Выписывать направление на аборт? – доктор взяла карту и ручку.

Маша, не выдержав, оторвала пуговицу. Она растеряно посмотрела на пуговку, что покоилась теперь на ладони и вдруг решительно сжала ее в кулаке.

– Нет, мне так жаль моего малыша. Я оставляю его или ее, – она обхватила свой, пока еще плоский живот руками, и счастливо улыбнулась, будто решила самую сложную теорему.

– Хорошо, в любом случае, вы сделали правильный выбор, – искренне улыбнувшись, сказала Елизавета Михайловна.

Маша преобразилась на глазах. Она пришла подавленная и угрюмая, а уходила одухотворенная, словно бы с ее шеи сняли тяжелый груз, тянувший ко дну. Как много Лиза видела подобных юных девушек, едва вступивших во взрослую жизнь. Большинство из них были не готовы к материнству, поскольку сами еще не повзрослели. Порой такие истории имели печальный исход.

Глава 4

Предстояло первое ночное дежурство. Лиза волновалась, хотя для переживаний не было объективных причин. Она отдыхала в ординаторской, устроившись на удобном диване.

"Наверное, просто забыла, что значит работать в ночную смену. Ничего, это как ездить на велосипеде – один раз попробовал и уже не забудешь!" – успокоила она себя и сомкнула веки.

Лаврова не любила ночных дежурств. Слишком много неприятностей случалось на работе, когда город окутывали сумерки. Год назад, осенней ночью в приемный покой столичной клиники привезли беременную сестру Лизы. Роды уже начались, но что-то пошло не так. Сестра кричала от боли, а Лиза, старалась облегчить ее страдания. Но, к сожалению, люди не боги...

Она помнила каждую мелкую деталь той злосчастной ночи: цвета, ощущения, запахи. Любая мелочь, например, случайно брошенное кем-то слово, могло всколыхнуть уснувшую память. Беспощадные воспоминания возвращались и уже не давали думать о чем-либо другом.

– Мне нужно домой, сын заболел, – жаловалась Одинцова, почти плача. – Маргарита согласилась подменить меня, если тебе понадобится помощь.

– Я приму беременную, – пообещала Елизавета, обрабатывая руки антисептиком. – Отправляйся домой.

Одинцова сняла медицинскую шапочку и, обернувшись в дверях, поблагодарила: "Спасибо, милая!"

Фраза прозвучала фамильярно. В ту злополучную ночь сестра произнесла те же слова, только они были наполнены благодарностью. Кристина сказала это, перед тем как...

Дурные мысли, как стая гарпий, кружились над ней. Чтобы унять душевную боль, Лиза принялась за работу, установила срок беременности и тщательно обследовала пациентку. Однако воспоминания всплывали одно за другим, как обломки на поверхности моря после кораблекрушения. Образы прошлого не оставляли ее ни во время работы, ни во время отдыха. Вот и сейчас, когда стрелки часов показывали половину первого ночи, Елизавета не могла отвлечься.

"К тому же я сегодня не одна, – она привела еще один веский довод и повернулась на другой бок. – Уж Андрей Николаевич не позволит мне совершить ошибку".

– Лаврова, там роды, – сообщила Маргарита Белозерская, заглянув в ординаторскую.

Лиза бодро встала и поправила медицинскую форму. Что готовила ей предстоящая ночная смена?

Из приемного отделения привезли роженицу с тазовым предлежанием плода. Вокруг женщины суетилась медсестра, чуть позже пришла Маргарита. Она была сосредоточена на своих размышлениях, будто искала решение какой-то важной задачи.

"Доктор обещал, что всё будет хорошо. Мы в порядке сыночек. Скоро все закончится!" – Анна Потерина пыталась не думать о боли.

Она гладила свой живот, и малыш, почувствовав прикосновение матери, затих. Медсестра поставила укол, а Марго задавала вопросы. У Анны едва хватало сил отвечать на них.

– Анна Потерина, 1994 года рождения. Где ваш муж? Он к вам не приходит? – спросила Маргарита.

– У меня нет мужа, я одна.

– Вы учитесь или работаете?

– Я учусь, – задыхаясь от схваток, ответила Анна.

– Где ваши родители? Вас кто-нибудь навещает? – спокойно продолжала акушерка.

– Родители живут в другом городе. Ко мне заходят в основном подруги по институту, – она делала большие паузы, ей было тяжело давать ответы. – Я должна родить через несколько дней. Что с моим малышом?

– У него хорошее сердцебиение и остальные показатели в норме, наверное, вы понервничали, успокойтесь. Вы в надежных руках, – уверяла Марго.

Она обладала даром убеждения, и умело им пользовалась. Аня доверилась ей и сделала глубокий вдох.

Схватки участились. Анна, кажется, потеряла всякую способность мыслить. Она мучилась и кричала. Боль разрывала на части, проникая в каждую клеточку организма, но это не пугало. Она дарит жизнь маленькому существу, с которым теперь связана невидимой нитью. Аня ждала его появления, несмотря на то, что отец отказался от малыша, едва узнав о ее беременности. Она ни за что не бросит своего сына, ведь это ее частичка, ее продолжение, ее будущее.

Пациентка задрожала, холод пронизывал до самых костей. Пальцы рук и ног онемели. Боль на миг отступила, были лишь слабые спазмы у сердца. Аня представила своего сыночка. У него будут огромные голубые, как два кусочка весеннего неба, глазки и светлые папины волосы.

"Малыш, я так люблю тебя и очень хочу увидеть. Ты вырастешь сильным и умным мальчиком" – она коснулась холодной ладонью живота, и дитя шевельнулось.

Анна вдруг подумала, что ангел спустился с небес и растворился у нее в чреве. Ее мальчик обрел чистую душу.

Когда пришел Андрей Николаевич Поклонский, Маргарита стала серьезной и грустной.

– Ты можешь идти, если понадобишься, позову, – сказала она медсестре и та ушла.

Лиза волновалась, узнав, что предстоят сложные роды. Она растерялась и чувствовала себя беспомощной. Перед мысленным взором предстала мертвенно-бледная сестра.

– Елизавета Михайловна, я понимаю, вы давно не работали в ночную смену. Это ваше первое дежурство. С вас довольно на сегодня. Идите, отдохните, – Андрей, поддерживая подчиненную за локоть, вывел ее из родильной палаты.

– Но как же... – Лиза не нашла нужных слов и покорно последовала за ним.

Ее мягкотелость была до того очевидной, что ей сделалось стыдно за себя. Сердце оцепенело, будто скованное наркозом. Ноги отказывались подчиняться.

– Мы с Маргаритой справимся, – заверил Андрей Николаевич. – Марго даже медсестру отпустила.

Лаврова опомнилась, когда заведующий закрыл дверь в палату. Лиза решила не спорить с ним и отправилась обратно в ординаторскую.

Сон не спешил, она ворочалась на кушетке. Тяжелые воспоминания, как свора голодных псов бегали кругами, ожидая пока жертва расслабится и сдастся на их милость.

"Я сделала все возможное, чтобы сестра осталась жива" – твердила Лиза.

Она встала и прошлась по кабинету, успокаивая нервы.

– Кричи, как можно громче, – велела акушерка Потериной. – Так тебе будет легче!

Анна зажмурилась и открыла рот, но не издала ни звука. Невыносимая и оглушающая боль, почти лишила ее сознания. В глазах темнело, но пациентка выполняла требования докторов.

– Еще немного, потерпите, – мягко попросил Андрей Николаевич. – Уже скоро все будет позади.

– Тужься, – будто сквозь вату услышала она голос акушерки, и послушно выполнила указание.

– Ножки пошли, – известил Андрей Николаевич.

Марго прослушивала сердцебиение малыша каждые три минуты.

– Теперь отдых, – велела она, и Анна замерла, даже дышать перестала.

Прошло несколько мгновений, наполненных страданием и надеждой.

– И последний рывок, – скомандовал Андрей Поклонский.

Анна собрала все оставшиеся силы и вложила их в потугу. Она ощутила, как вышла головка, и вслед за ней тянулась пуповина.

– Как некстати, – произнес Андрей Николаевич, проворно освободил шею младенца от петель пуповины и ловко взял его на руки.

Анне было трудно сфокусировать взгляд, перед глазами летали белые, мерцавшие мухи. Новорожденный кричал, а затем издал свой первый в жизни крик. Маргарита разделила пуповину, что связывала мать и сына, и положила дитя на заранее приготовленную теплую пеленку.

В детской палате было тихо. То умиротворение, что царило здесь, вряд ли встретишь где-либо еще. Новорожденные дети удивительно похожи друг на друга – маленькие, нежные, беспомощные. Но в каждом из этих крошечных существ уже чувствовался характер. Вдруг один из детей, обнаружив присутствие постороннего, вздрогнул и захныкал. Лиза поспешила к нему, пока он не перебудил остальных. Она взяла его и принялась укачивать. Такие движения мама крошки совершала, когда ходила, малыша покачивало внутри и это его успокаивало. Ребенок, почувствовав себя в безопасности, закрыл глазки и уснул. Это был крепкий мальчик. Его розоватая кожа будто светилась. Все страшные размышления и растревоженная совесть не в состоянии убить надежду на лучшее. От созерцания умирительной картины Лизу отвлек плач младенца, доносившийся из родильного покоя. Она бережно положила малыша в кувез. Ей не терпелось посмотреть, как рождается чудо.

Светильники в палатах давно погасли. Теперь в этом месте безраздельно властвовал Морфей. Изредка кричал младенец, который только родился. Лиза бесшумно, как призрак, прошла по коридору. Она робко приоткрыла дверь родильной палаты. В темноту коридора ворвался луч света, на мгновение, ослепив ее. Звучал клавирный концерт ля минор Баха, композитора, чьи произведения так любил слушать Андрей Николаевич, когда принимал роды. Поклонский считался опытным врачом, поэтому играючи справился даже с таким сложным случаем.

Ребенок был красный и активно шевелил ручками. В ярком свете Лиза видела розовую влажную кожу, сморщенное личико и волосики на темени. Малыш красив и правильно сложен. Белозерская обтерла его, затем закутала в пеленку и посмотрела на мать, как будто, с жалостью. Анна выглядела измученной, очевидно у нее иссякла энергия.

Увидев, что Андрей Николаевич поглядел на дверь, Лиза вздрогнула. Она не уверена, заметил ли он ее или ей показалось. Ведь просвет очень узкий, и она скрывалась в сумраке. Лаврова быстро отошла, опасаясь быть застигнутой врасплох.

– Дайте мне сыночка, пожалуйста, – дрожащим голосом просила Потерина.

Она счастлива, что, в конце концов, сможет обнять сына и подержать в своей ладони его маленькую ручку. Нежность, не зная краев, наполнила ее душу.

– Позже, позже. У тебя послеродовой период, – цитируя медицинскую энциклопедию, проговорила Маргарита.

Анну пронзила боль, но она не пугала. Опасения остались позади. Последний этап закончился и она, почти теряя сознание, снова попросила:

– Принесите, пожалуйста, сына. Хочу взглянуть на него.

– Ты очень устала, отдыхай, – ласково произнесла Марго и положила пакетик со льдом пациентке на живот, а затем ее перевезли в послеродовую палату.

Аня то проваливалась в сон, то приходила в себя. Боль, наконец, отступила и Анна, погружаясь в забытие, думала о сыне. Скоро она поцелует своего мальчика и ощутит его запах.

Утро в роддоме всегда начиналось неспешно. Лиза осмотрела вновь прибывших беременных. У одной пациентки схватки только начались, но родить она была не готова. Назначив укол обезболивающего, Лиза отправила ее в палату.

Беременные в отделении патологии совершали утренние процедуры, или неторопливо прогуливались по коридорам. Матерям приносили новорожденных. Они прикладывали детей к груди и бережно обнимали. Каждая из женщин походила на мадонну, сошедшую с картин Леонардо да Винчи. Их лица были одухотворенными и безмятежными. Но, как иногда случается – счастье идет рука об руку с трагедией, смерть с жизнью.

Анна Потерина рыдала, не переставая. Слезами, пролитыми ею, можно заполнить целый океан. Ее глаза опухли, а щеки покрылись красными пятнами.

– Что случилось? – обеспокоенно спросила доктор Лаврова.

Аня не могла совладать с собой, ее трясла нервная дрожь. Лиза налила стакан воды и отдала его пациентке.

– Мой ребенок... – она сжала стакан так сильно, что казалось, хрупкое стекло не выдержит давления и треснет. – Они сказали, что мой мальчик умер.

– Кто они? Как это произошло? – удивилась Елизавета Михайловна.

– Когда я очнулась, то попросила принести мне сына, – Анна всхлипнула, и, опустив голову, смотрела на свои тонкие руки. – Врач сообщил, что ребенок не прожил и часа.

В памяти Лизы прозвучал крик младенца. Очень громкий. Новорожденный выглядел здоровым.

– Тише, успокойтесь, – приговаривала Лиза и гладила мягкие светлые волосы Анны.

Молодая женщина, познакомившаяся с болью утраты, нуждалась в поддержке. Рядом с ней не нашлось никого из близких людей, чтобы утешить, стать опорой.

– Я хочу видеть своего сыночка. Я попросила Андрея Николаевича об этом, но он лишь отмахнулся от меня. Сказал, что у моего крошки были серьезные физические недостатки и мне лучше не видеть его вовсе, чтобы не получить шок. Я что, родила монстра?

Лиза с сочувствием посмотрела на нее, не зная, что ответить. Анна расхохоталась. Ее гомерический смех превратился в истерику. Доктор вызвала дежурную медсестру. Она вбежала в палату со шприцем и поставила Потериной укол успокоительного лекарства. Пациентка затихла и уснула через несколько минут.

Лиза и раньше сталкивалась со смертью, еще интерном она видела, как умирают дети, только появившиеся на свет, видела, как последний вздох выпускают матери, едва разрешившиеся от бремени, или так и не сумевшие этого сделать. Непрерывная связь жизни и смерти. Но чей-то безвременный уход всегда доставлял огорчение. Особенно трудно сообщать печальные новости близким.

"Серьезные физические недостатки?! Это невозможно" – вихрем пронеслось в ее голове.

Лаврова убеждена, что мальчик родился нормальным. Внешних уродств она не увидела. По крайней мере, когда подглядывала.

– Как умер ребенок Потериной? – осторожно осведомилась Лиза, когда встретила Андрея Поклонского.

Он заполнял историю родов в ординаторской. Лиза успела разглядеть карту Анны Потериной.

– У него были отклонения в развитии. Малыш умер почти сразу, как родился. А почему вы интересуетесь? – удрученно спросил Андрей и тихо добавил: – Я очень переживаю.

– Я понимаю вас. Но мы не в силах что-либо изменить. Нужно просто смириться.

Она сама недавно пережила нечто подобное. Они молчали некоторое время, и безмолвие тяготило их. Лиза чувствовала – начальник что-то скрывает. Роды в тазовом предлежании предполагают проведение кесарева сечения. Почему Андрей принял решение не делать

операцию? Вероятно, Поклонский допустил фатальную ошибку. Лаврова предпочла говорить открыто. Андрей был симпатичен ей, и она осторожно поинтересовалась:

– Вы извините, конечно, что спрашиваю, но почему вы не провели кесарево сечение? Ведь такое положение плода, да и его пол – относительное показание для оперативного вмешательства.

Заведующий на минуту задумался.

– Она боялась операции, хотела, чтобы роды прошли естественным путем, к тому же вес ребенка был маленький, и мы решили попробовать. Роды здесь ни при чем, эмбрион развивался с отклонениями, – пояснил Поклонский. Он был уверен правильности своих действий.

– Но почему Анна не может забрать и похоронить тело своего ребенка? Я думаю, так она быстрее справится с потерей.

Андрей Николаевич, молча, смотрел в сторону, а Лиза ждала ответа. Сложившаяся ситуация ее настораживала. Родители могли забрать мертворожденного, чтобы похоронить его, как подобает. Зачем заведующий отделением отказывает матери в праве видеть своего умершего ребенка?

– Мне жаль, но здесь такие правила – если младенец умирает в первый день жизни, то наша клиника берет похороны на себя, – после молчания ответил он.

Елизавета видела, что Андрей Николаевич искренен. Она сочувствовала ему. Поклонский отвел взгляд, боясь смотреть ей в глаза. Она мягко дотронулась до его руки. Он не отстранился, напротив, сжал ее ладонь.

– Вы не виноваты. Вы сделали все, что от вас зависело. Я уверена в этом. Ведь мы не можем контролировать смерть.

– Если бы это было возможно... – горько усмехнулся Андрей.

– Воркуете, голубки, – ехидно бросил Кондратий, войдя в ординаторскую.

Он налил себе кофе и занял наблюдательную позицию, с интересом ожидая, как развернутся события.

– Может, позже продолжим разговор, – Лиза торопливо покинула кабинет.

В коридоре она столкнулась с Маргаритой Белозерской, которая стояла у окна грустная и задумчивая.

– Добрый день, Маргарита, – поздоровалась доктор Лаврова. – Можно задать вопрос?

– Да, разумеется.

– Скажите, с какими отклонениями появился младенец Анны Потериной? Мальчик был уродлив?

Маргарита нахмурилась и долго молчала, обдумывая ответ.

– Он родился с гидроцефалией и грыжей, – наконец, произнесла акушерка. – Почему вас это интересует?

– Пациентка сказала, что ей не дают возможности увидеть мертвого сына. Я полагаю, она должна проститься с ним, невзирая на уродство.

– Это правила нашего роддома. Детей, умерших сразу после рождения, хоронит поликлиника, – пожав плечами, проговорила Марго.

Она устало прикрыла глаза и сжала губы, накрашенные красной помадой. Ей определенно не нравилась эта беседа.

– И кто придумал такие правила? – поинтересовалась Елизавета.

– Андрей Николаевич, – ответила Белозерская. – Извините, мне нужно идти.

Анна Потерина быстро оправилась после тяжелых родов. Однако душевная рана вряд ли когда-нибудь затянется, а если и заживет, то оставит страшный рубец. Она всегда мечтала о детях.

Врач, который производил ультразвуковое исследование, заверял, что мальчик появится на свет здоровым, да и гинеколог, говорила, что анализы хорошие, беременность протекала без осложнений. Разрываемая сомнениями, Анна окончательно замкнулась в своем горе и ни с кем не разговаривала. Порой даже не отвечала на вопросы.

– Как ваше настроение? – спросила Лиза.

Потерину передали под ее наблюдением, и она искренне сопереживала ей. Аня ничего не говорила, продолжая безучастно смотреть в окно. Лаврова начала осмотр, пациентка послушно, словно кукла выполняла все указания, которые доктор давала ей. Похоже, Анна отрицала происходящее, не хотела верить в реальность собственного горя.

– Я требую, чтобы пришел Андрей Николаевич, – тихо вымолвила Анна.

– Вам не станет легче, – сказала Лиза, присаживаясь на стул напротив пациентки, – пока вы не примиритесь с утратой. Вы не первая, кто теряет ребенка. Вы здоровы и в скором времени, если захотите, сможете еще родить детей.

– Я требую, чтобы пришел Андрей Николаевич Поклонский, – упрямо повторила она.

– Хорошо, сейчас он будет, – пообещала Лаврова и пошла за заведующим.

Застыв, будто статуя, Анна смотрела в окно, когда пришли Лиза и Андрей Поклонский. Увидев его, она вдруг заметно оживилась.

– Как самочувствие? – сухо спросил он.

– Можно мне увидеть моего сыночка? – пациентка пристально посмотрела в глаза Андрею Николаевичу.

Он выдержал ее взгляд лишь несколько секунд, затем отвел глаза.

– Вы же знаете это невозможно, – с сожалением отвечал он.

– Почему невозможно?

Она всем телом подалась вперед, будто готовилась к атаке.

– Как я уже говорил, у него имелись физические... – он остановился, подбирая слово, которое бы не расстроило Аню, – недостатки, несовместимые с жизнью. Также у него была гипоксия. Вы бы еще больше переживали.

– Какая чуткая забота, – съязвила она, сквозь слезы. – Я хочу видеть своего сына.

– Послушайте, малыш родился с отклонениями в развитии. Он не прожил и нескольких часов, – терпеливо объяснял заведующий и искренне добавил: – Мне очень жаль.

– Я не верю ни единому вашему слову. Меня убеждали, что ребенок должен родиться крепким. Можно мне увидеть, где он теперь? – умоляла она.

– Врачи иногда ошибаются... Ваш мальчик похоронен на городском кладбище. Мы не делаем надписей и не ставим крестов. Только номера. Вряд ли вам стоит на это смотреть.

– Я даже не успела дать ему имя. Мне нужно видеть моего сына! – закричала Анна с безумным блеском в глазах, затем прошептала едва слышно: – Я уверена – он жив.

– Это невозможно! – Андрей Николаевич с жалостью посмотрел на нее.

Лаврова налила воды из графина, стоявшего на тумбе у койки, и поднесла стакан Анне, но она оттолкнула Лизу, давая знать, что помощь ей не требуется. Стакан упал и разбился на мелкие осколки, оставив на полу лужицу.

– Верните мне ребенка! – требовала Потерина, захлебываясь слезами.

Лаврова беспомощно поглядела на Андрея. Он указал на дверь. Поняв молчаливую просьбу, Лиза выбежала и позвала медсестру. Анне поставили укол успокоительного, и через мгновение она забылась сном.

Глава 5

Прошло три дня после кончины ребенка Анны Потериной. Ее готовили к выписке и выдали свидетельство о смерти сына, но так и не сообщили, где он нашел последний приют. Анна была убита горем. Она сильно осунулась, ее ярко – голубые глаза от непрерывных слез стали блеклыми и ничего не выражавшими.

Лиза осмотрела пациентку. Потерина выглядела опустошенной, лишившейся желания жить.

– Мне сложно представить, что вы сейчас переживаете, – она хотела сказать слова утешения, но, увидев горевший ненавистью взгляд Анны, осеклась.

– Да, вам сложно понять. Но я разберусь во всем! Врачи – убийцы за все заплатят! – пригрозила пациентка.

Невыносимая горечь поселилась в душе Анны. С каждым днем это разрушительное чувство все больше съедало ее изнутри.

– Но ведь такое случается часто – это жизнь! Я сочувствую вашей утрате, – сказала Лиза.

– Жизнь? Ультразвук показал – должен родиться здоровый малыш, у меня были хорошие анализы. Как, я могла произвести на свет урода?

– Я вам верю, но иногда врачи ошибаются!

– Так может, и Поклонский ошибся? – горячо спросила Анна.

На этом разговор закончился и Анна, собрав свои вещи, покинула поликлинику. Лиза ещё долго вспоминала её потухшие глаза и скорбное лицо. Сколь же глубоко может быть человеческое горе? Глубиной как море или океан, а вероятно, и нет величины, какой можно его измерить. Иногда пациентам кажется, что доктора – люди, лишённые сочувствия и сострадания, ведь видя каждый день чью-то боль и муки, трудно сопереживать. Однако за броней цинизма скрываются личные драмы.

Впервые за несколько месяцев Лиза решилась позвонить родителям. Словно раненая тигрица в клетке, она металась по комнате, боясь подойти к телефону, будто одно прикосновение к трубке могло убить её. Страх и чувство вины испортили ей жизнь. Лиза разорвала старые связи, напоминавшие о сестре. Она была убеждена, что близкие ненавидят ее за смерть Кристины.

Дрожащей рукой Лиза взяла кувшин, он показался ей тяжелым, как гиря. стакан воды освежил и унял волнение. Исчез привкус печали.

Вечера Лаврова проводила в пустой квартире, одиночество давило на нее, хоть она уже свылась с ним. В комнате мягко горела настольная лампа, ее лучи искоса падали на красный телефон, отчего он приобретал цвет раскаленного железа. Тяжело вздохнув, Лиза села на диван и, наконец, сняла трубку. Телефонный номер матери она набирала, казалось, целую вечность. Они начали беседу с взаимных приветствий, мама посетовала на то, что дочь давно не звонила им. Часто возникали паузы, заполненные невысказанными словами.

– Когда ты вернешься? – спросила мама.

– Мама, я об этом не думаю, – крепко сжав телефонную трубку, осторожно ответила она.

– И все-таки я настаиваю на твоём возвращении. Отец очень скучает.

– Я не могу приехать. Я этого просто не вынесу!

– Сколько можно себя корить и наказывать. Ты не виновата в смерти сестры, – мама, похоже, не собиралась отступать.

Лиза никогда не умела спорить с матерью, да и считала это излишним.

– Ты права, но мне нужно время, – со вздохом вымолвила она.

– Ты же помнишь, что завещала твоя бабка – если тебе плохо, дела идут хуже некуда, помогай другим. Все затраченные силы и добро, которое ты делаешь людям, вернется тебе с лихвой, – назидательно произнесла мать.

– Я помню.

– Как ты живешь теперь?

– У меня все прекрасно. Потихоньку обживаюсь на новом месте. Работа мне нравится. Мама, – Лиза хотела рассказать о том, что ее тревожило, но в последний момент передумала.

– Что Лизонька? – в голосе матери она угадала нотки беспокойства.

– Ничего, мама, просто мне пора, – тихо ответила Лиза.

Она забывала о гнетущем чувстве вины только за работой. Это было лекарством от всех бед, труд помогал не думать о проблемах и переживаниях. Но судьба все же настигла ее, через чужие страдания, напоминала ей о своих собственных.

Ночью существование в роддоме замирало на одно краткое мгновение, пока не раздавался крик новорожденного, а утром с первыми лучами солнца, в палатах, родильных боксах и детской комнате открывались окна. Поликлиника походила на огромный муравейник, в котором кипела работа. Младшие медицинские сестры приступали к уборке. Здесь неукоснительно соблюдались нормы санитарной обработки помещений, чистота ставилась во главу угла. Санитарки перестилали кровати, мыли пол и вытирали пыль. В пустой палате они завершали утреннюю уборку и обсуждали что-то. За разговором работа спорилась, а время летело незаметно. Лиза нередко становилась свидетелем таких бесед.

– Слушай, приходила эта безумная, – сказала санитарка Лескова.

Энергичная полная женщина, уже перешагнувшая порог пятидесятилетия. Полгода назад она стала бабушкой, чем очень гордилась.

– Таких здесь много, – лениво отозвалась санитарка Терентьева.

Она была противоположностью Лесковой – молодая, но абсолютно инертная девушка, редко проявлявшая инициативу.

– Ну, та, с такой странной фамилией. У которой еще ребенок умер совсем недавно, – напомнила Лескова, надевая на подушку, свежую наволочку.

– Потерина что ли? – пожав плечами, наугад предположила Терентьева.

Она елозила по полу шваброй так медленно, будто каждое движение давалось ей с большим трудом.

– Да, она самая. Так вот, Потерина эта, устроила истерику в кабинете Андрея Николаевича, – Лескова перестала работать, чтобы продолжить свой рассказ. – Она требовала показать ей, где захоронен ребеночек ейный. Ругалась, проклинала Поклонского, на чем свет стоит. Грозила судом, да и не только человеческим, а самым высшим, – Лескова в благоговейном ужасе закатила глаза к потолку. – Говорила, что судья разрешит эту... эскунацию.

– Эксгумацию, – коротко поправила ее Терентьева и тоже бросила работу, захваченная любопытством. – И что же Андрей Николаевич?

– А он лишь посмеялся и выбросил ее из кабинета. Сказал, что она сама во всем виновата. А бедняжка кричала и тарабанила в закрытую дверь. Эх, эх горько все это, – Лескова раздосадовано покачала головой. – А знаешь, ведь и раньше было с ним такое. Однажды помер ребеночек у одной дамочки, она еще долго ходила за Андреем Николаевичем скандалила, обвиняла, мол, украл он у нее дочку.

– Это правда? – ошарашено спросила Терентьева и швабра выпала у нее из рук.

– Тьфу ты, веришь, что ли ей. Она от горя с ума сошла, и не ведает, что говорит. Андрей Николаевич – хороший человек и врач от Бога. Он принял роды у моей дочки. Это ему я обязана жизнью внучки, до сих пор молюсь за его здоровье, – она поцеловала крестик, висевший на шее.

– А откуда узнала? – любопытствовала Терентьева. – Подслушала, небось?

– Да, я рядом полы в фойе мыла, – невинно отвечала Лескова.

– Полы она мыла, любопытная варвара, – хмыкнула Терентьева.

В комнату вошла Лиза и осмотрелась. Уборка не сдвинулась и до середины, а через полчаса здесь должна разместиться роженица.

– Надо к одиннадцати подготовить палату, – предупредила доктор Лаврова младших медицинских сестер.

Они, переглянувшись, как заговорщицы, поспешно принялись за работу и продолжили ее в молчании.

Уверенность, с какой Анна Потерина боролась за правду, боролась за то, чтобы увидеть своего умершего ребенка, была достойна уважения. И заразительна. Кто-то мог пройти, равнодушно взирая на чужое горе, но Лиза не смогла. Конечно, она боялась потерять свое положение, поскольку совсем недавно получила должность в областной поликлинике, и этот страх заставлял сомневаться. Но сострадание оказалось сильнее, оно уменьшило страх, а муки совести из-за смерти сестры, заставили его вовсе исчезнуть. Жизнь бросила ей вызов. Лиза его приняла. Она должна помочь бывшей пациентке, чего бы ей это ни стоило, пусть даже репутации.

Перед вечерним обходом Лаврова заглянула в медицинский архив. Стоило перепроверить карту Анны Потериной, вдруг пропущена какая-то важная подробность. Порой даже без самой маленькой детали механизм не может работать.

В темной комнате, лишенной окон и дневного света, хранились сотни историй родов. Холодные бесстрастные листы бумаги – свидетели рождения и смерти. Лиза искала карточку на полке с буквой П.

– По, по, по! – невысокая Елизавета стояла на цыпочках, пытаясь дотянуться до верхней полки.

Наконец, она нашла историю и взяла ее из ряда плотно составленных карт. Доктор прислушивалась к каждому шороху за дверью, опасаясь быть пойманной за чтением карточки Анны Потериной, быстро просмотрела бланки анализов – во всех обнаружены отклонения. Но вот, что показалось необычным – в карте не осталось ни одного снимка ультразвукового исследования, будто их изъяли. Она перелистала описание родов. Ребенок в тазовом предлежании – опасный фактор не только для матери, но и для младенца. Врачебное заключение гласило: гидроцефалия, черепно-мозговая грыжа на стыке костей черепа, гипоксия тяжелой степени, пневмония.

Лиза дочитывала заключение, когда в архив зашла Мальцева с картой в руках. Администратора ни мало удивило то, как сосредоточенно Елизавета Михайловна читала историю родов. Лиза же заметно растерялась, что и выдало ее. Нет, ничего подозрительного не было в том, что Лаврова находилась здесь – врачи имеют доступ к картотеке, Мальцеву насторожило поведение доктора.

– Я... Я просто ищу кое-какую информацию, – нервно жестикулируя, оправдывалась она.

– Что смотрите? – улыбнувшись, ответила Мальцева и положила историю роженицы на стеллаж под буквой "Е".

Лиза медлила с ответом. Она не хотела, чтобы кто-то знал, что она читала карту Потериной. Вряд ли начальство обрадуется, узнав, что она усомнилась в правильности медицинского заключения.

– Да, это история из отделения патологии беременных, и я уже кладу ее на место. Интересный случай, – соврала Лиза и собиралась поставить карту, как вдруг из нее выпали результаты анализов.

Евгения помогла ей собрать разлетевшиеся бумаги и заметила знакомую фамилию.

– Бедная девочка, она так переживает, – Мальцева сочувственно покачала головой.

– Вы о ком? – изобразив непонимание, спросила Лиза.

– О Потериной, – недоумевала она.

– Ах, да конечно, – Лиза выглядела смущенной. Она сложила оставшиеся листки. – Спасибо за помощь. Мне пора.

Выдохнув, Лаврова вышла в коридор. Приближались часы врачебного обхода и выполнения назначений. Благовидный предлог, чтобы отделаться от неуместных вопросов.

Евгения пошла в ординаторскую. Андрей Поклонский сидел на диване, замерев как истукан. Он был бледнее своего медицинского халата. Налив чаю в кружку, Мальцева села напротив него.

– Может, вам кофе заварить? – предложила она подобострастно.

Он не отвечал, только сосредоточенно глядел на стену. Мальцева посмотрела в ту сторону, куда падал взгляд заведующего. На стене висел плакат – реклама поликлиники "С заботой о здоровье матери и ребенка". На нем запечатлена счастливая женщина с младенцем на руках. Выражение лица Андрея Николаевича говорило, что он видел отнюдь не мать и дитя, а нечто пугающее. Евгения удивленно подняла брови и покачала головой.

– Вы не знаете, что там происходит с магнитным полем земли? – она громко задала вопрос, затем отхлебнула чая.

– Что? – с искренним недоумением взирал на коллегу Андрей.

– Что там с магнитным полем земли, или может быть, произошли вспышки на солнце? Люди ведут себя, как-то странно сегодня!

– Я просто немного устал, а что с людьми? – поинтересовался он.

– Лаврова копалась в истории родов Потериной, а когда я пришла в архив, она так занервничала, стала оправдываться, – доложила Мальцева.

– И что она искала? – голосом ничего не выразившим спросил заведующий отделением.

– Она не стала мне рассказывать, просто сбежала и все, – она недовольно вздохнула.

– Вероятно, у сотрудников не в меру разыгралось любопытство. Виновата, наверное, вспышка на солнце, – произнес Андрей и покинул ординаторскую.

Смена закончилась рано, и Лиза не знала, чем заполнить внезапно образовавшееся свободное время. Она решила посидеть в кафе, что располагалось неподалеку от больницы. Оно было полупустым, лишь двое посетителей ужинали в самом центре зала. Лиза устроилась у окна. Она любила проводить долгие одинокие часы в маленьких кафетериях.

Жизнь течет так стремительно, словно бурная река, это единственная возможность остановиться на берегу и осмыслить ее перипетии. Терпкий кофейный аромат возвращал бодрость. Пышная и удивительно мягкая пена на кофе – эспрессо напомнила весенние облака. Лиза, зажмурившись, пригубила напиток. С первым глотком к ней вернулись энергия и сила.

Трагедия Анны Потериной отозвалась болью в душе Лизы. Чутье подсказывало ей – тут что-то не так. Допущена роковая ошибка. Но кто ее совершил? Врач, проводивший ультразвуковое исследование, или же Андрей Поклонский, доктор, имевший обширный опыт в акушерстве и гинекологии? Лаврова была склонна доверять Андрею, поэтому быстро откинула все мысли о его халатности. Ведь он не мог погубить только родившегося на свет малыша. Это противоречило врачебной этике, человеческой морали и юридическим законам, в конце концов. Диагнозы выглядели вполне убедительными, но почему Анне не отдали тело малыша?

Лиза перестала думать об этом, когда на дне кружки осталась кофейная гуща. На город мягко опустились сумерки. Посетителей с наступлением вечера стало больше, и уютное кафе уже не напоминало тихую гавань для размышлений. Расплатившись, Лиза ушла.

После дневной духоты, вечерняя прохлада казалась спасительной, будто оазис в пустыне. Лиза вдыхала свежий воздух, и ее наполняло спокойствие.

"Со временем все образуется, – успокаивала она себя. – Я привыкну к новому месту".

Шаги за спиной привлекли ее внимание. Лиза заметила, что за ней, накинув на голову капюшон от толстовки, шел незнакомец. У набережной она свернула, и незнакомец последовал за ней. Лиза слышала его тяжелую поступь, чувствовала его дыхание. Она готова была поклясться, что он внимательно наблюдает за ней. Лаврова замедлила шаг, чтобы пропустить мужчину вперед, но и он сбавил скорость.

Улица, которую они пересекали, оказалась безлюдной. Лиза мечтала встретить хоть кого-нибудь, но ее ожидания не оправдались. Незнакомец не отставал, она почти бежала. Ее сердце колотилось, как набат. Страх не давал мыслить ясно. Чего он хочет? До дома оставалось каких-то полметра, она одолела это расстояние за несколько секунд. У входа в подъезд оглянулась. Незнакомец растаял в сумраке.

"Плод моего уставшего воображения" – усмехнувшись, подумала Лиза, но, опасаясь преследования, огляделась.

Во дворе царила темнота. Тусклые фонари освещали только часть площадки. Плод воображения мог спрятаться где-то в темном углу. Лиза предпочла не рисковать, и очутившись в квартире, заперла дверь на два замка.

Министерство здравоохранения должно запретить будильники. Наверное, так думает каждый взрослый человек, обремененный трудом и прочими заботами. Будильники плохо влияют на нервную систему человека. Эти грозные стражи времени вырывают людей из волшебного царства сна. Только контрастный душ и горячий крепкий кофе разбудят спящий разум.

Утро вторника порадовало трелями птиц за окном. Елизавета распахнула шторы и впустила свет. Он наполнял комнату литрами солнечной энергии. Лиза, зажмурившись, радовалась наступившему дню.

Безветренная погода располагала к прогулкам, и Лиза решила пройтись до клиники пешком. Она вдыхала утренний воздух и настраивалась на рабочий лад. Машин практически не было. Лиза заметила лишь одну – старую десятку с тонированными стеклами. Водитель, наверное, любил уединение. По странному стечению обстоятельств ему было по пути с Лизой. Он ехал за ней на низкой скорости. Лаврова посчитала это совпадением, и не задумываясь, продолжила путь.

– Что делаешь вечером после работы? – полюбопытствовал Андрей Николаевич, увидев ее в ординаторской.

Нарушив границы субординации, заведующий обратился к ней на "ты" и помог снять пиджак. Лиза поблагодарила его за галантность, но немного смутилась.

– Я еще не планировала, день ведь только начался. Нужно выйти в ночную смену?

Предвкушая очередное дежурство, она отвернулась к шкафчику, где хранилась медицинская форма. Андрей сжимал ее пиджак в руках.

– Нет, я о другом, не о работе. Может быть, сходим в ресторан, поужинаем? – тихо предложил он.

Лиза была удивлена и озадачена одновременно. Андрей Николаевич прежде не оказывал ей знаков внимания или какого-то особого расположения. Но он был ей симпатичен, поэтому она приняла его предложение. Он подал ей пиджак, неловко улыбувшись.

Большинство женщин волновалось перед родами, они боялись не только осложнений, но и неизвестности. Задача доктора успокоить беременную, внушить надежду. От врача зависит не только физическое состояние будущей матери, но и ее душевное здоровье. Женщина должна быть психологически готова подарить новую жизнь. Тревожность мешает гармоничному течению беременности, затормаживает развитие ребенка, может стать причиной непредвиденных осложнений во время родов.

– Я понимаю, вы готовитесь к материнству, но ваши страхи беспочвенны. Результаты ультразвукового исследования, все анализы подтверждают, беременность протекает прекрасно. Стрессы вряд ли идут на пользу ребенку, так что успокойтесь, – терпеливо повторяла Лиза, каждой роженице.

Будущие мамы беспокоились о здоровье своих еще не рожденных детей. Это было естественно. Гормоны делали пациентку восприимчивой и впечатлительной, услужливая фантазия рисовала массу опасностей для ребенка. Но больше всего некоторых женщин в интересном положении страшила неизвестность. Они боялись боли, что всегда сопровождала роды, даже первые схватки, вызывали панику.

Сталкиваясь с рождением или смертью, человек исподволь испытывает страх. Появление на свет – это не только физиологический акт, но и совместное переживание мамы и ребенка. Помочь отвлечься от страданий могут только забота и отзывчивость врачей. Порой пациентки ощущают беспомощность, окруженные, нет, не уходом, а скорее суматохой медицинского персонала.

Акушеру-гинекологу приходилось принимать несколько родов за день. Важно проявить внимание, чтобы беременные чувствовали себя в безопасности. Это требовало от Лизы больших духовных сил.

– Устала? – заботливо спросил кто-то за спиной.

Елизавета оторвалась от заполнения карты. Разговаривать желания не было, она кивнула, даже не повернувшись.

– Если слишком устала, мы можем отложить ужин, – Андрей налил стакан воды и протянул ей.

– Нет, вкусная еда, поднимет мне настроение, – улыбнувшись, произнесла она.

Вечер теплой шалью упал им на плечи. Лиза и Андрей, отужинав, гуляли по набережной. Туман эфирной дымкой навис над водной гладью. В темном небе парили чайки, возвещая о скором приходе ночи.

Разговор между ними не складывался. Они ощущали неуверенность, и возникало много неловких пауз. Лиза мечтала быстрее оказаться дома.

– Ты была замужем? Почему вы развелись? – поинтересовался Андрей.

Она остановилась и взглянула вниз, на отливавшую серебром реку.

– Извини, пожалуйста, если что-то не то спросил, – заикаясь, произнес он.

– Я солгала, – призналась она и от смущения зарделась, но сумерки, словно мягкая вуаль скрыли ее румянец. – Я не была замужем.

Казалось, его не удивил подобный ответ, он старался не смотреть на нее. Лиза понимала, что необходимо объяснить причину переезда, но сомнения остановили ее. Она окинула шефа беглым взглядом, и почувствовав себя виноватой, сказала:

– Мне просто нужно было сменить обстановку после смерти сестры.

Андрей хотел что-то сказать, но на полуслове осекся и с сожалением посмотрел ей в глаза.

– Я не буду спрашивать, что случилось, захочешь, сама все расскажешь, – он улыбнулся и достал мобильный телефон из кармана. – Я вызову тебе такси.

Словно избавления, Лаврова ждала такси. Недосказанность томила их обоих. Несмотря на возникшую симпатию, Елизавета не доверяла начальнику, слишком мало она знала о нем, к тому же он показался ей скрытным.

Рядом с причалом, где они неторопливо прогуливались, разрезая полотно сумерек, сверкнули фары. Спасение прибыло! Они коротко простились, и Лиза юркнула в салон автомобиля. Это свидание не удалось, как плохо приготовленное, пресное блюдо. Глядя в окно на вечерний город, зазывавший неоновыми вывесками, Елизавета впервые наслаждалась одиночеством.

Такси уехало, и она осталась в глухом переулке совершенно одна. Дом казался холодным и покинутым всеми. На мир он глядел черными глазницами окон. Забросив ненадолго дневные печали, жильцы погрузились в гостеприимное царство сна, словно в купель, наполненную теплой водой. Лиза осмотрелась, входя под арку, ведущую во двор. На противоположной стороне она увидела десятку с тонированными стеклами.

"Наверное, это мой сосед, просто раньше я его не замечала" – подумала она.

Густая тьма, царившая во дворе, напоминала раскаленную смолу, которой в средневековых замках боролись с врагами. Лаврова бегом преодолела площадку и несколько лестничных пролетов. С радостью очутилась в уютной квартире. Она успела ее обжить и привести в порядок – каждая вещь лежала на своем месте.

Лиза скинула туфли и присела на диван. Ощущение, что все происходит, как во сне не покидало ее. Сумбурный переезд, новая работа и иной круг общения. Лиза внезапно ощутила укол совести. Уж больно это все походило на бегство от себя и нерешенных проблем. Она сидела в полумраке. Желтый электрический свет фонаря, смешавшись с лунным светом, проникал с улицы в окно, подчеркивая нереальность происходящего.

Стакан прохладного молока мог вернуть ей способность мыслить. Лиза отправилась на кухню, включила лампу. Все вещи находились на своих местах, там, где утром их оставила хозяйка. Но что-то было не так, произошла незначительная перемена. Лиза огляделась, однако ничего не заметила. Открыв холодильник, взяла с полки бутылку молока, которая тотчас выпала из рук, когда она поняла что же не так. На дверце холодильника висела фотография, прикрепленная магнитом. Общий снимок с Кристиной. На нем Лиза и ее, ныне почившая сестра, сидели на скамейке под кленом. Они были детьми, когда их поймал объектив фотокамеры. Лизе – восемь, Кристине – десять. Самое счастливое лето их жизни замерло на этой фотокарточке. Радостные воспоминания разбились, словно хрупкое стекло на мелкие осколки, когда она вспомнила – фото, что сейчас находилось в ее руках, было спрятано в любимой книге, и давно не извлекалось. Как фотография очутилась здесь? Неужели кто-то хочет напомнить ей о страшной смерти Кристины? Возможно, это она сама, забывшись, достала снимок из книжки и прикрепила на холодильник, как жестокое напоминание о своей халатности.

Всю ночь Елизавета провела на кухне, держа в руках старую фотографию. Горечь поднималась, откуда-то из тайников души, где казалось, была заперта на ключ. Но нет, пришло время, и она снова вошла в дом, села рядом, усмехнувшись, поглядела на Лизу.

– Как я могла так поступить с тобой? – прошептала она, взглянув на снимок.

Вопрос остался без ответа. Лаврова допила молоко, и положив фотографию на стол, отправилась в спальню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.